

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ (СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ)**

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама
и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина*

10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2020

Организация конференции и издание сборника ее материалов осуществлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–22011

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия: В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов (отв. редакторы),
В. А. Алёшкин, М. Е. Килуновская, О. В. Сычева*

Рецензенты: д. и. н. Е. М. Колпаков, д. и. н. И. Л. Тихонов

Программный комитет конференции: акад. РАН, д. и. н. М. Б. Пиотровский (Гос. Эрмитаж, сопредседатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, сопредседатель); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, зам. сопредседателей); акад. РАН, д. и. н. В. И. Молодин (Институт археологии и этнографии СО РАН); акад. АН Республики Узбекистан, д. и. н. Э. В. Ртвеладзе (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан); чл.-корр. РАН, д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. Н. В. Полосьмак (Институт археологии и этнографии СО РАН); д. и. н. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); д. и. н. А. В. Седов (Музей народов Востока); д. и. н. К. С. Ташбаева (Институт истории, археологии и этнологии НАН Кыргызской Республики); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж)

Организационный комитет конференции: к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН, зам. председателя); О. В. Сычева (ИИМК РАН, отв. секретарь); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН), к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН); к. и. н. Вл. А. Семенов (ИИМК РАН); к. и. н. Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН); Е. О. Стоянов (ИИМК РАН); к. ф. н. П. Б. Лурье (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. В. Омельченко (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж); К. В. Чугунов (Гос. Эрмитаж)

Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). — СПб.: ИИМК РАН, 2020. — 308 с., ил.

ISBN 978-5-907298-09-5

DOI 10.31600/978-5-907298-09-5

сеют, а занимаются только скотоводством. Они поклонялись Солнцу и приносили ему в жертву коней. После разгрома Кира они осваивают верхнюю часть дельты Сырдарьи с VI–V вв. до н. э.

Через тысячу лет о маскутской ветви парфянских правителей и о царстве маскутов сообщает армянский историк Агафангел, который упоминает о четырех царствах династии Аршакидов: Персидском, Кушанском, Армянском и Маскутском. Приводится имя царя маскутов Санесана, который в IV в. был союзником Аршакида Хосрова II Младшего. М. Е. Массон считал маскутов наследниками массагетов Геродота, а царство маскутов локализовал в древнем Нахшабе на городище Еркурган. Основанием для его выводов послужили монеты Каршинского оазиса III–VI вв., находившие близкие соответствия в монетной системе мервских представителей династии Аршакидов. О гибели царства маскутов сообщает армянский историк Себеос. Он пишет, что сасанидский полководец Бахрам Чубин «...вел войну с великим царем маскутов, жившим по ту сторону великой реки (Окс/Амударья), разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну того царства».

Таким образом, археологические памятники и редкие отрывочные сведения письменных источников позволяют нам проследить не столько миграции, сколько медленное проникновение древних кочевников в южные оазисы Средней Азии, что сопровождалось ассимиляцией их местным населением.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНУТРЕННЕГО УБРАНСТВА НОИН-УЛИНСКИХ ГРОБНИЦ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)¹

Н. А. Сутягина²

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

RECONSTRUCTION OF THE INTERIOR DECORATION OF THE NOIN-ULA TOMBS (BASED ON MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF THE MONGOLIAN-TIBETAN EXPEDITION)

Natal'ya A. Sutyagina

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-218-223

Ключевые слова: хунну, Ноин-Ула, погребальный обряд, реконструкция.

Keywords: *Xiongnu, Noin-Ula, funeral rite, reconstruction.*

Археологический комплекс, расположенный в горах Ноин-Ула на севере Монголии, является одним из опорных памятников для изучения истории и культуры кочевников хунну. В отделе Востока Государственного Эрмитажа хранится коллекция находок, происходящая из курганов, раскопанных Монголо-Тибетской экспедицией (1923–1926 гг.). Длительное время она являлась основным источником для изучения погребального обряда дромосных гробниц хунну. В исследованиях К. В. Тревер, С. И. Руденко, С. Умэхары пред-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ, проект № 20–59–44005.

² ORCID: 0000-0001-9516-7281; e-mail: na.sutyagina@gmail.com.

ставлено краткое описание конструкций и упоминается о находках ковров и вышитых полотен, а в каталоге Ю. И. Елихиной даны только аннотации к предметам коллекции (Trever 1935: 9–11; Umehara 1960: XI, XV–XVI; Руденко 1962: 8–22; Елихина 2017: *passim*).

Реконструировать детали внутреннего убранства деревянных гробниц ноин-улинских курганов позволяет комплексный анализ археологических (погребальные конструкции и предметы сопроводительного инвентаря), письменных (полевая и учетно-хранительская документация) и изобразительных (чертежи, рисунки, фотографии) источников. В экспедиционных документах содержится информация о зафиксированных *in situ* тканях и декоративных элементах, которые украшали внешний сруб, внутреннюю камеру и гроб (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102, 231; НАИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 202). Сопоставление данных описей с музейными маркировками на вещах дает возможность выявить предметы коллекции, которые использовались для украшения стен, пола и потолка погребальных сооружений, гробов и подгробных досок, опорных столбов и продольных несущих балок.

В результате проведенного анализа были выявлены общие принципы и индивидуальные особенности оформления гробниц. В большинстве раскопанных курганов на полу внутренней камеры лежал войлочный ковер, стены были задрапированы шелковыми и шерстяными тканями, гроб оформлялся с помощью золотых декоративных лент и четырехлистников. Благодаря тщательной фиксации находок в настоящее время удалось выяснить, что ковры с аппликациями не всегда занимали всю площадь внутренней камеры. В курганах № 1 и № 6 в «коридорах» внешнего сруба найдено по второму изделию. В последнем он был использован древними грабителями в качестве мягких носилок, на которых лежала большая часть собранных и подготовленных для извлечения вещей (рис. 1)¹ (НАИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г.

Рис. 1. Фрагмент войлочного ковра из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (МР-1957)
Fig. 1. Fragment of the felt carpet from Barrow no. 6 of the Noin-Ula burial ground (MR-1957)

¹ Фрагмент второго войлочного ковра находится на постоянной экспозиции отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Д. 202). При сохранении общей схемы оформления ковров различаются детали: цвет и материал оформленной спиралью центральной части и борта, стилистические особенности исполнения фигур животных и дерева в аппликациях. В кургане № 25 периметр изделия был обшит не полихромным шелком, а грубой однотонной тканью полотняного переплетения; в кургане № 1 центральная часть ковра выполнена из полихромного шелка¹.

Стены гробниц были украшены китайским шелком и вышитыми шерстяными полотнами. В курганах № 6 и № 23 фрагменты орнаментированного шелка зафиксированы *in situ* на внутренней поверхности стен камеры. На опорных колоннах и продольных матицах в кургане № 6 сохранились фрагменты однотонного шелка и украшенные фестонами образцы. Вышитое полотно с изображением фигур всадников и лошадей (рис. 2; 3)² висело в южном «коридоре» на внешней стороне внутренней камеры, а отдельные фрагменты были собраны здесь же на полу. Аналогичная вышивка обнаружена в северном «коридоре» между северной стеной и колонной, что обеспечило ее сохранность.

Гробы в курганах хунну устанавливались на доски, которые покрывались красочным слоем (Кондратьевский курган) или оформлялись шелком (курган № 6). Традиционно считается, что хунну использовали гробы, украшенные росписью или золотом поверх шелковой ткани, однако подробности их оформления практически не известны. Золотые ленты и четырехлистники, типологически разделяющиеся на простые плоские, объемные и объемные с рельефным орнаментом детали, как правило, лежали вокруг гробов. В кургане № 25 и в Кондратьевском кургане они сохранились *in situ* на досках гроба. В курганах № 23 и № 24 детали разных типов использовались одновременно. Крышка и стенки украшались вышитым шелком, треугольные и четырехугольные фрагменты которого обнаружены во внутренней камере курганов вокруг гроба или внутри него. На некоторых образцах сохранились вырезанные прямоугольные отверстия, по форме и размерам совпадающие с соединительными шипами. На этом основании можно предположить, что оббивались стенки или доски, которые затем собирались в готовое изделие. Неясными остаются вопросы: какая из поверхностей украшалась шелком и каким образом сочетались лаковая роспись и украшение золотом? Например, в кургане № 1 сохранился покрытый красочной росписью фрагмент северной части (пола?) гроба, а вокруг него собраны золотые ленты и четырехлистники.

Отдельного внимания заслуживает шерстяной ковер³, который был частью многослойного покрывала, зафиксированного на перекрытии внешнего сруба в кургане № 6. С восточной, западной и северной сторон он не доходил до краев перекрытия; южный край поврежден грабителями. Несмотря на сильные утраты и разрывы ткани, ковер был восстановлен на основании маркировок отдельных фрагментов и схемы их расположения, подготовленных сотрудниками экспедиции (Краткие отчеты... 1925: Табл. 9). Современный вид изделия позволяет говорить о том, что для изготовителя ни сложный орнамент, ни его содержание не представляли ценности. Вероятно, основная задача заключалась в достижении необходимого размера, для чего соединили и сшили вместе совершенно разные ткани.

Таким образом, изучение предметов музейных коллекций и архивных собраний как единого информационного источника позволило выявить ранее неизвестные детали оформления гробниц и погребального обряда хунну. В этом контексте представляет интерес гипотеза С. Умэхары об использовании текстиля в ноин-улинских погребениях как имитации

¹ С. И. Руденко атрибутировал этот ковер как часть комплекса Кондратьевского кургана (Руденко 1962: табл. XL). Подпись к архивным фотографиям предмета позволяет утверждать, что он был найден в кургане № 1 (НАИИМК. ФО. О. 241-1).

² В процессе реставрации фрагменты, собранные в разных частях гробницы, были закреплены на одной основе (фрагмент с номером КП ГАИМК 14397 обнаружен в северном «коридоре»). Первоначальный вид предмета восстанавливается на основании архивных фотографий (рис. 3), а современный вид вышивки требует корректировки (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12; Д. 231. Л. 45; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78). Л. 85, 123; НАИИМК. ФО. О. 241-7).

³ Находится на постоянной экспозиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Рис. 2. Шерстяная вышивка с изображением фигур всадников и лошадей из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (МР-1953)

Fig. 2. Woolen embroidery with the representations of horsemen and horses from Barrow no. 6 of the Noin-Ula burial ground (MR-1953)

Рис. 3. Первоначальный вид обнаруженного фрагмента вышивки из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (НАИИМК. ФО. Нег. II 16400)

Fig. 3. Initial view of the woolen embroidery from Barrow no. 6 of the Noin-Ula burial ground (Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Foto department. Negative II 16400)

росписей китайских захоронений (Umehara 1960: XI, XII). Результаты археологических раскопок подтверждают существование обеих практик в древнем Китае. Исследование и интерпретация этого явления в культуре хунну напрямую связаны с изучением механизмов трансляции и адаптации китайских традиций в кочевой среде.

Архивные источники и литература

- АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78): Акты и переписка о поступлении в Эрмитаж музейных предметов на постоянное хранение. Т. 1.
- АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102: П. К. Козлов. Предварительный отчет об археологических работах Тибетской экспедиции в горной местности «Ноин-Ула», Южный Хэнтей, Монголия. (Улан-Батор, 1924); Д. 231: П. К. Козлов. Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг. Археологические материалы.
- Елихина 2017 — Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926. Улаанбаатар, 2017.
- Краткие отчеты... 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.
- НАИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 202: О передаче в Академию коллекций, добытых экспедицией П. К. Козлова в Монголии. Описи вещей, отчеты С. А. Кондратьева.
- НАИИМК. ФО. О. 241 (Фотографии предметов).
- Руденко 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Trever 1932 — Trever K. Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad, 1932.
- Umehara 1960 — Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo, 1960 (на япон. яз).

ГОРОДИЩЕ ШАМШИ III — СТАВКА ПЛЕМЕН КЕНКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

*А. И. Торгоев¹, *А. В. Кулиш², **М. К. Борсунбаев³

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

**Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан

ANCIENT SETTLEMENT OF SHAMSI III — THE HEADQUARTERS OF KENKOL-CULTURE TRIBES IN THE CHU VALLEY

*Asan I. Torgoev, *Aleksei V. Kulish, **Marsbek K. Borsunbaev

*State Hermitage, St. Petersburg, Russia

**Begimaly Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-223-226

Ключевые слова: кенкольская культура, Тянь-Шань, Чуйская долина, городище Шамши III, фортификация, ставка кочевников.

Keywords: Kenkol culture, Tian Shan, Chu valley, hillfort Shamshi III, fortification, nomadic headquarters.

В последние годы стало ясно, что на больших городищах Чуйской долины нахождение слоя VII в. возможно только для городища Ак-Бешик, а на остальных памятниках, включая огромное городище Красная речка, не будет слоев ранее VIII в. Сложившаяся ситуация заставила искать в регионе ранние поселения, которые теоретически могли бы быть связаны с населением кенкольской культуры.

¹ ORCID: 0000-0002-6403-8046; e-mail: torgoevasan@mail.ru.

² ORCID: 0000-0002-7193-6485; e-mail: alexei-1985@bk.ru.

³ ORCID: 0000-0001-9081-3053; e-mail: mars4588@gmail.com.